

В половине одиннадцатого ночи бойцы на руках притащили У Тао в санчасть.

Одного взгляда на его мертвенно-бледное, осунувшееся лицо хватило, чтобы дежурный фельдшер замахал руками и велел срочно везти его в госпиталь.

По дороге бедолагу полоскало так — и сверху, и снизу, — что у сопровождавших его товарищей разрывалось сердце. Кое-как добравшись до госпиталя, его пулей доставили в приемный покой. К этому моменту из командира роты вышло все, что только могло, и он буквально растекся по больничной койке, полуживой от полного истощения.

— Срочно на анализы, — нахмурился врач, осматривая бездыханное тело командира роты.

— Есть! — гаркнул Гао Цзяньго, командир первого отделения, и метнулся выполнять поручение.

Бойцы в тревоге переминались с ноги на ногу в коридоре, гадая, какая же зараза уложила их командира роты — здорового, как бык, мужика.

Благо под ночь коридоры пустовали, так что результаты из лаборатории прислали быстро.

— Пищевое отравление, — сухо бросил дежурный врач столпившимся у дверей солдатам и скрылся в палате.

— Отравление? — Гао Цзяньго ошеломленно переглянулся с командиром третьего отделения Гу Фэем. — Это чего он такого сожрать умудрился?

— Понятия не имею. — Не мог же командир роты втихаря хомячить под одеялом? Не в его это характере.

— Он же сегодня в штаб полка на совещание мотался, — припомнил кто-то из бойцов. — Может, там в столовке чего несвежего подсунули?

— Да не, — мотнул головкой связной Сяо Ма. — Командир роты в штабе даже к столовой не приближался. Я точно знаю: как вернулся, сразу в Кухонное отделение направился.

— Сам видел? — наскипидарился Гао Цзяньго, вперив в него требовательный взгляд.

— Обижаешь, командир! — уверенно кивнул парень. — Своими глазами видел. А попозже ему туда еще и ужин притащили.

— Кто притащил? — мгновенно подобрался Гу Фэй.

— Да шут его знает, какой-то новобранец «зеленый».

— Хрен с ним, кто притащил! Главное — кто стряпал?!

— Вот именно! — Гао Цзяньго аж покраснел от злости. — Если узнаю, какая тварь командира роты извела, лично шкуру спущу!

— В такое-то время... — Гу Фэй невесело усмехнулся. — Командир отделения Ма ведь обожает по ночам на кухне шуршать.

Парни переглянулись. Чтобы старина Лао Ма решил отравить командира роты? Да скорее солнце на западе взойдет!

Глубокой ночью состояние У Тао наконец стабилизировалось.

После бесконечных промываний желудка и капельниц даже у самого закаленного бойца силы сошли бы на нет. Командир роты, которого по дороге в госпиталь буквально вывернуло наизнанку, теперь лежал безвольной тенью. Лицо — блее больничной простыни, в руке торчит игла, над головой мерно покачиваются два флакона с физраствором.

— Пусть полежит до утра под наблюдением, если все будет в порядке — завтра выпишем, — напутствовал врач.

— Спасибо вам, доктор! — отозвался Гу Фэй.

Как самый рассудительный и заботливый, он вызвался дежурить у постели больного. Расспросив врача обо всех деталях ухода и намотав на ус предписания, сержант тихонько, на цыпочках, подошел к койке и примостился на табурете.

У Тао лежал, страдальчески нахмутив брови — то ли забылся тяжелым сном, то ли просто не находил сил разомкнуть веки.

— Командир роты? — едва слышно позвал Гу Фэй.

У Тао слабо дернул веками, но лишь глубже зарылся лицом в подушку.

Сержант вздохнул и аккуратно подоткнул ему одеяло. Видеть их грозного, громоподобного командира роты в таком жалком состоянии было по-настоящему непривычно.

И пока в больничных палатах царила тишина, в расположении «Железной третьей роты» вовсю закипали нешуточные страсти.

— Лао Ма! Лао Ма, черт тебя дери! — Едва санитарный УАЗик затормозил у казармы, Гао Цзяньго ураганом ворвался в общежитие Кухонного отделения.

— Чего разорался? — Командир отделения Ма, уже успевший отойти ко сну, мигом подскочил на кровати. — Как там командир роты? Что врачи говорят?

— Да у тебя еще совесть спрашивать есть! — навис над ним рассвирепевший Гао Цзяньго. — Отравил ты командира роты! Колись, коновод несчастный, чего ты ему в миску намешал?

— Какое еще отравление?! — Лао Ма от неожиданности чуть с койки не рухнул. — Да быть того не может! Я шесть лет у плиты стою, у меня ни одна живая душа не дристала!

— В госпитале уже официальное заключение выписали! Твое «не может» к делу не пришьешь!

Тут уж и сам повар не на шутку перепугался:

— Да пошли со мной в Кухонное отделение, сам все увидишь! Командир роты поздно вернулся, я ему на скорую руку лапши с тушенкой и зеленью сварганил. Продукты все свежие, вода фильтрованная!

Видя, что сержант смотрит на него волком, Лао Ма схватил его за рукав и силой потащил на кухню.

Вспыхнул люминесцентный свет. На кухне — идеальный порядок, кастрюли блестят, разделочные столы выскоблены дочиستا.

К санитарному состоянию придаться при всем желании невозможно. Но откуда тогда взялся яд?

Гао Цзяньго нахмурился, почесал затылок и уже спокойнее спросил:

— Слушай, Ма, а ты точно ничего не перепутал? Вспоминай шаг за шагом, может, специи какие не те бахнул или продукты несовместимые попались?

Старому коку было и обидно, и тревожно. Обычная лапша быстрого приготовления с зажаркой, сто раз так делал! Зелень и мясо привезли утром, вся рота в обед ела — и хоть бы кто чихнул.

Лапшу он самолично замешивал и раскатывал.

Походив кругами вокруг плит, Лао Ма в сердцах грохнул кастрюлей о стол и решил наглядно показать весь процесс.

— Ну гляди! Взял я котелок, плеснул масла. Бросил лук, чеснок, имбирь — обжарил. Следом кинул зелень... Потом посолил, добавил глутамат, пятицветную приправу... Залил кипятком, закинул лапшу.

Лао Ма увлеченно размахивал руками, тыча пальцем то в лотки с приправами, то в остатки теста. Для пущей убедительности он выудил из ящика стрелку зеленого лука и с хрустом сжевал половину.

— Вот, видишь? Всё чистейшее! Откуда тут отраве взяться?

Гао Цзяньго окончательно зашел в тупик. Командира роты скрутило аккуратно через полчаса после ужина. Если дело не в лапше, то в чем? Не святым же духом он отравился!

— Думай, Ма, думай лучше!

Лао Ма только зубами заскрипел от досады. О чем тут думать? Шесть лет верой и правдой кормит третью роту, и на тебе — подозревают во вредительстве! Да он на У Тао молился, уважал командира роты пуще родного отца, с чего бы ему гадить командиру?

Пока Гао Цзяньго мерил шагами кухню, повар удрученно вздыхал. Ну надо же такому случиться! Хотел как лучше, порадовал изголодавшегося командира роты горячим ужином, а в итоге едва в гроб не занал.

«Раз такое дело, — злость вдруг взяла верх над обидой, — сейчас заново всё приготовлю! Сварю точно такую же порцию, сам сожру и докажу, что мои руки чисты!»

Командир отделения Ма решительно зашуршал посудой и зажег конфорку.

Наблюдавший за этим Гао Цзяньго вытаращил глаза:

— Эй, сумасшедший, ты чего удумал?

— Чего-чего! — огрызнулся Лао Ма. — Честь мундира спасти буду!

В этот момент дверь скрипнула, и на пороге кухни нарисовалась робкая фигура Чжан Шуая.

— Чжан Шуай? — удивился повар. — Тебя каким ветром принесло?

— Да я... прослышал, что командира роты уложили, — пробормотал тот, шмыгая носом. — Говорят, из-за лапши...

— О, явился — не запылился! — подхватил Лао Ма. — Помогай давай, мы как раз ее вместе готовили. Сейчас забабахаем точно такую же порцию, утру я этим паникёрам нос!

— Ладно, — послушно кивнул рядовой.

Гао Цзяньго, видя такой суровый настрой, препятствовать не стал — лишь хмыкнул и отошел к стене, наблюдая за процессом.

В мгновение ока на столе появились нашинкованный лук, тонкие ломтики свинины и свежая лапша.

Командир отделения Ма лихо разогрел глубокую сковороду, плеснул масла — всё по канону.

— Соль! — скомандовал он.

Чжан Шуай без лишних слов протянул солонку.

— Глутамат!

Рядовой подал пачку.

— Пять специй!

Парень протянул баночку. Лао Ма на автомате взял её, уже занес над сковородой... и вдруг замер. Взгляд его намертво приковало к этикетке. Повар побледнел, пальцы его задрожали, а голос сорвался на сиплый шепот:

— Это... это откуда взялось?!

— Так с полки у плиты, — простодушно указал Чжан Шуай на угол, где обычно теснились соусы и приправы.

— Я тебя спрашиваю, как эта дрянь на полке оказалась?! — взревел Лао Ма так, что зазвенели кастрюли. Он тряс баночкой перед самым носом испуганного солдата.

Чжан Шуай захлопал глазами, искренне не понимая причин такой ярости:

— Ну... прибирался я там. Гляжу — валяется на полу. Я и поднял, на место поставил.

— Да кто тебя просил её трогать!!! — Повар с грохотом швырнул злополучную емкость на стол и мертвой хваткой вцепился в воротник рядового.

— А... а чего выбрасывать-то?.. — затрепетал тот, окончательно растерявшись.

— Да потому что это крысиный яд, баран ты недорезанный!!!

Тайна века была раскрыта.

У Лао Ма подкосились ноги, он обессиленно опустился на табурет, хватаясь за сердце. Гао Цзяньго сориентировался мгновенно: рванулся вперед, вырвал перепуганного новобранца из рук повара и с размаху припечатал лопатками к стене.

— Говори, сука! Зачем командира роты извести решил?! — прорычал сержант.

— Да не хотел я никого травить... — Чжан Шуай сжался в комок, глаза у него мгновенно налились слезами.

— Зуб на командира роты за губу затаил, гнида?!

— Да за дело меня наказали, за дело! Я же дезертир, я... — Крупные слезы градом покатались по его щекам. Парень действительно не замыслил ничего дурного.

— Тогда какого хера ты насыпал ему крысиного яду вместо приправы?!

— Да я же не знал! Думал, это смесь перцев... она пахла так сладко... — Чжан Шуай дома к плите отродясь не подходил и понятия не имел, как выглядят кулинарные специи. Увидел ароматный порошок в баночке — и протянул повару со всей душой.

— Идиот... — обреченно выдохнул Лао Ма, сползая на пол. — Это же я от грызунов прикупил, на складе разложить хотел!

— Но оно правда так вкусно пахло... я и подумал... — хныкал рядовой.

— Пахло ему! Да хоть бы оно розами благоухало, это отравка, твою мать! — Гао Цзяньго готов был собственноручно придушить этого недоумка.

— Ладно, не ори на него, — заступился Лао Ма, чувствуя и свою долю вины. — Сам хорош. Нечего было отраву под столом бросать. Да и мне следовало сперва соус на язык попробовать, прежде чем в тарелку лить.

Раз уж сам пострадавший повар пошел на попятную, Гао Цзяньго неохотно разжал пальцы, отпуская парня.

— Тьфу, пропасть! Я умываю руки. Пусть командир роты возвращается — сам решает, что с этим чудом природы делать.

— Завтра же с утра отпрошусь в госпиталь, пойду виниться перед командиром роты, — сокрушался Ма, готовый сквозь землю провалиться от стыда.

Чжан Шуай, не переставая размазывать слезы по лицу, виновато зыркнул на повара. Тот аж подпрыгнул на месте:

— Да что ты на меня вылупился, недоразумение ходячее?!

— Я... я...

— Заладил «я да я»! Тряпка, только выть и умеешь! Мужик ты или кто?!

— Мужик... — всхлипнул рядовой.

Лао Ма лишь сплюнул в сердцах и, хлопнув дверью, вылетел из кухни.

На следующее утро Лао Ма, волоча за собой понурого Чжан Шуая, отправился в госпиталь — замаливать грехи перед командиром роты.

У Тао к тому моменту уже пришел в себя, но ночные мучения бесследно не прошли. Навевавший прежде у всех священный трепет командир роты теперь уныло лежал на подушках.

— Командир роты... — Лао Ма бочком протиснулся в палату, сжимая в руках пакет с гостинцами, и втащил за собой упирающегося парня.

При виде старого кока лицо У Тао немного разгладилось, но стоило ему заметить маячившую за спиной повара фигуру Чжан Шуая, как он помрачнел:

— А этот деятель тут зачем нарисовался?

— Эм... так вы еще не в курсе? — растерялся Лао Ма.

— В курсе чего?

— Ну, насчет вашего... отравления, — деликатно начал кок.

— А, вспомнил! — При одном упоминании о вчерашнем ужине командир роты мгновенно взвился. — Я ведь за весь вечер маковой росинки во рту не держал, кроме твоей стряпни! Колись, старый хрыч, тухлятиной меня накормил?!

Лао Ма понурил голову и виновато пробормотал:

— Да если бы тухлятиной... С лапшой косяк вышел, командир роты.

— Твою мать! — вскипел командир роты. — Ты шесть лет у плиты стоишь! Как можно было состряпать ядовитую бурду?! Продукты просрочил или перепутал чего? Ты хоть представляешь, как меня наизнанку выворачивало?!

Вспоминать прошедшую ночь командиру роты не хотелось до дрожи. Это был сущий ад на земле.

Но обиднее всего было то, что подчиненные застали своего грозного командира роты в самый позорный момент его жизни — засирающим и заплевывающим все углы приемного покоя. Прощай, непререкаемый авторитет! Прощай, суровая харизма!

— Командир роты, клянусь, я не нарочно, — взмолился Лао Ма.

— Был бы нарочно — я бы сейчас уже перед апостолом Петром отчитывался! — рявкнул У Тао.
— Выкладывай, как на духу, что стряслось!

Командир отделения Ма искренне хотел взять удар на себя, но виноватым без вины оставаться тоже не улыбалось. Немного посомневавшись, он схватил Чжан Шуая за плечо и вытолкнул вперед:

— Да вот... у него спросите.

— Опять ты?! — У Тао уставился на рядового тяжелым, предвещающим грозу взглядом. — Ну, вещай, вредитель. Что натворил?

— Я... ну... это...

— Будешь мычать — лично в окно вышвырну, понял?!

—

Я просто перепутал приправу крысиным ядом на так вкусно пахляя неспециальная виноват расстреляйте меня командир роты! — От ужаса Чжан Шуай выдал всю тираду на одном дыхании, напроочь позабыв о знаках препинания.

У Тао на секунду онемел, переваривая услышанное. Но суть уловил четко.

— Что ты сказал?... Крысиный... яд?

Чжан Шуай вжал голову в плечи и попятился к двери.

Лао Ма закрыл лицо руками.

— Отвечай, говнюк! Крысиный яд?! — взревел У Тао, рывком принимая сидячее положение на койке.

Лао Ма робко зыркнул на него из-под ладони и удрученно кивнул.

— Чжан Шуай!!! — заорал командир роты так, что задрожали стекла.

— Я! — вытянулся во фрунт боец, хотя колени у него ходили ходуном.

— Я тебе что, в прошлой жизни всю семью вырезал или мать изнасиловал?! За какие грехи ты меня извести пытаешься?! Ты что, сука, спишь и видишь, как я копыта отброшу и в ящик сыграю?!

— Да я не хотел... — Парень уже откровенно шмыгал носом, готовый разрыдаться.

— Кончай тут сопли на кулак наматывать! Слышишь меня?! В этот раз тебя даже заступничество командира дивизии не спасет! Да будь ты хоть любимым племянником министра обороны — вылетишь из армии со свистом! — Глаза У Тао налились кровью. — Вон отсюда! С глаз моих долой!

— Командир роты, простите... — попытался было заикнуться Чжан Шуай.

— Пошел вон! — взревел командир роты и яростно рванул из вены иглу капельницы, намереваясь лично прописать «лекарство» этому недоумку.

— Бежим! — Лао Ма среагировал мгновенно. Он ухватил несчастного новобранца за шиворот и буквально кубарем выкатился вместе с ним в коридор.

— Дядя Ма? — удивился Гу Фэй, возвращавшийся с полным чайником горячей воды. Вид удивляющих сослуживцев его немало озадачил.

— И чтобы духу вашего здесь не было! Чжан, сучий потрох, еще раз на глаза попадешься — лично пристрелю! — доносился из палаты хриплый, прерывистый ор командира роты.

Поняв, что пахнет жареным, Гу Фэй бросил беглецов и рванул в палату.

Ослабевший после отравления У Тао сидел на краю кровати, тяжело, со свистом переводя дух. Из пробитой вены на простыню капала кровь.

— Командир роты! — Гу Фэй грохнул чайник на тумбочку и бросился к начальнику. — Вы чего удумали? Ложитесь живо, с ума сошли?!

Только когда прибежавшая медсестра заново поставила капельницу и перебинтовала руку, командир роты понемногу пришел в себя.

— Командир, вы как? — с тревогой спросил сержант.

— Бывало и лучше, — буркнул У Тао, глядя в потолок. Немного помолчав, он хмуро скомандовал: — Раздобудь-ка мне мобилу. Нужно срочно связаться с командиром полка.

— Что-то срочное?

— Срочнее некуда! Пусть забирает своего Чжан Шуая к чертям собачьим. Если этот debil задержится в роте хоть еще на день, мы все тут ляжем! — У Тао аж зубами заскрипел от злости, смешанной со скрытым страхом. Подумать только: умереть на поле боя смертью храбрых — это почетно. Но сдохнуть, как паршивая крыса, от рук собственного пришибленного бойца?! Да над ним же вся армия до скончания веков ржать будет!

Гу Фэй, хоть и не до конца понял суть претензий, спорить не стал — найти телефон в госпитале для него труда не составило.

Выслушав сбивчивый и яростный доклад подчиненного, командир полка Ван Цзыюн на том конце провода впал в ступор. За долгие годы службы он повидал всякое, но чтобы солдаты травили командиров крысиным ядом — такое происходило впервые в его практике.

— У Тао, ты сам-то как? Жить будешь? — с явным чувством вины поинтересовался командир полка. Это ведь он настоял на том, чтобы пристроить непутевого Чжан Шуая в третью роту,

надеясь, что суровая дисциплина выбьет дурь из беглого новобранца. Кто же знал, что тот чуть не отправит лучшего командира роты на тот свет?

— Пока еще дышу, товарищ командир полка! — огрызнулся У Тао.

— Да уж, нехорошо получилось. Моя недоработка, — вздохнул Ван Цзыюн.

— Рад, что вы это понимаете, — буркнул командир роты. Человек, только что вырвавшийся из лап смерти, имел полное право наплевать на субординацию и выказать характер старшему по званию.

— Ладно, ты давай лечись спокойно, — примирительно произнес командир полка. — С Чжан Шуаем я сам разберусь.

— Уж сделайте милость! И ради всего святого, если вам дорога жизнь личного состава «Железной третьей роты», отправьте этого вредителя куда-нибудь подальше. Желательно на другой конец страны!

В трубке раздались короткие гудки. Полковник Ван Цзыюн задумчиво потер переносицу. Проблема встала в полный рост: куда теперь пристроить этот ходячий триумф глупости, от которого шарахаются даже бывалые вояки?

<http://bllate.org/book/18240/1765400>